

М. И. Воробьева-Десятовская

НОВЫЕ НАДПИСИ ПИСЬМОМ *КХАРОШТХИ* ИЗ ТЕРМЕЗА

СТАРЫЙ Термез по количеству находок памятников индийской эпиграфики первых веков нашей эры в настоящее время занимает первое место в Средней Азии. В 30-х годах в Старом Термезе, в районе Дуньо-тепе, была найдена первая в Средней Азии надпись письмом *кхароштхи*, процарапанная на диске из мергелистого известняка¹, а начиная с 1961 г. почти ежегодно новые индийские надписи на керамике стали поступать из буддийского монастыря Кара-тепе (северо-западный угол городища Старый Термез). Надписи из Кара-тепе на черепках глиняных сосудов, написанные письмом *кхароштхи* и *брахми*, в большей своей части уже опубликованы², однако они настолько фрагментарны, что о контексте можно говорить лишь весьма предположительно. Чтение и интерпретация их, предложенные Я. Харматтой, который на основании соединения черепков р а з н ы х с о с у д о в попытался восстановить полный текст дарственной формулы, якобы представленной в надписях на каратепинских сосудах в виде «Буддийской общине четырех сторон света с согласия монахов (или учителей) Махасангхика подарок монаха Сангхапалы»³, кажутся совершенно неоправданными, ибо из всего приведенного Я. Харматтой текста на черепках действительно присутствуют только часть слова ...*saṃghikā*... из названия Махасангхика⁴ и часть слова ...*saṃgha* [?] из имени Сангхапалы⁵. За ... *saṃgha* следуют либо два знака, составляющие слог *āsaṃ*..., как читает их Т. В. Грек⁶, либо один знак *śaṃ*..., что кажется нам более вероятным.

Между тем в последние годы во время раскопок Фаяз-тепе, памятника, расположенного в 500 м к югу от монастыря Кара-тепе и составляющего с ним единый комплекс, археолог Л. И. Альбаум обнаружил несколько зна-

¹ М. Е. М а с с о н, Городища Старого Термеза и их изучение, «Труды Уз. ФАН, серия 1, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1938 г.», Ташкент, 1941, стр. 81 и сл.; см. также М. И. В о р о б ь е в а - Д е с я т о в с к а я, Памятники индийской письменности из Средней Азии, сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 211 сл.

² Т. В. Г р е к, Индийские надписи на керамике из Кара-тепе, сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964 (далее — «Кара-тепе», I), стр. 62—81; Я. Х а р м а т т а, К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе, сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969 (далее — «Кара-тепе», II), стр. 32—39.

³ См. «Кара-тепе», II, стр. 35.

⁴ См. «Кара-тепе», I, рис. 42б.

⁵ См. там же, рис. 43а.

⁶ Там же, стр. 69—70.

чительно более полных надписей на керамике письмом *кхароштли*, которые позволяют сделать вполне определенные выводы о содержании надписей и о тех, кто их писал или заказывал. К сожалению, в нашем распоряжении еще нет фотографий некоторых из этих надписей, однако предварительное знакомство с прорисовками показало, что они носят votивный характер и написаны в период, когда в монастыре Кара-тепе размещалась община Махасангхиков. Так, на одном из черепков содержится фрагмент надписи, в котором сохранились следующие слова: «...mahasaghigara pari[graha]», т. е. «... приношение [монахам общины] Махасангхиков» (фрагмент будет опубликован позднее вместе с другими надписями из Фаяз-тепе). По палеографическим данным он может быть датирован II в. н. э. Нет надобности останавливаться здесь подробно на распространении буддийских общин на территории Средней Азии вообще и в Кара-тепе в частности, так как этот вопрос за последнее время получил довольно широкое освещение в литературе⁷.

Осенью 1972 г. Термез дал еще одну надпись письмом *кхароштли*, самую значительную по размеру из всех обнаруженных до сих пор в Средней Азии и великолепно сохранившуюся. Она найдена в подземном помещении (подвале?) в 13 км к северу от Термеза Л. И. Альбаумом. Вход в помещение появился в результате случайного провала почвы. Надпись вырезана на венчике большого сосуда для воды из мергелистого известняка. Л. И. Альбаум предполагает, что венчик мог быть также нижней частью небольшой votивной ступы. Керамика, обнаруженная вместе с венчиком, позволила Л. И. Альбауму датировать его кушанским периодом. На некоторых из черепков сохранились остатки надписей *кхароштли* и бактрийским письмом.

В статье содержится публикация четырех вновь найденных надписей письмом *кхароштли* из района Термеза:

1) надпись на венчике большого сосуда для воды из погребца в 13 км к северу от Термеза; 2) надпись на черепке из того же помещения; 3) надпись на черепке из помещения № 19 на Фаяз-тепе; 4) надпись на днище глиняной votивной ступы (?) из того же помещения (вероятнее, однако, что это крышка от реликвария).

1. НАДПИСЬ НА ВЕНЧИКЕ БОЛЬШОГО СОСУДА ДЛЯ ВОДЫ (рис. 1)

Письмо надписи может быть определено как четкое *кхароштли* классического типа, близкое к монументальному. Для датировки надписи по палеографическим данным и сопоставления votивной формулы, содержащейся в ней, привлечены следующие аналогичные датированные надписи с территории Индии и Афганистана:

1. Надпись, наколотая на бронзовом сосуде из Вардака⁸. Датировается периодом около 179 г. н. э., правлением Хувишки⁹.

2. Надпись на камне из Паджа¹⁰. Датировается 111 г. эры шака.

3. Серебряный свиток из Таксилы¹¹. Датировается 136 г. эры шака.

4. Надпись на фризе из Дхармараджика (около Таксилы)¹². Датировается временем позднее Канишки.

⁷ См., например, одно из последних значительных исследований: Б. А. Л и т в и н с к и й, Т. И. З е й м а л ь, Аджина-Тепе, М., 1971, стр. 110—133; см. также «Кара-тепе», II, стр. 33—35.

⁸ Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. II, pt. I. Kharoshṭhī Inscriptions, ed. by Sten Konow, Calcutta, 1929 (далее — СII), LXXXVI.

⁹ Ср. Е. В. З е й м а л ь, Кушанская хронология (Материалы к проблеме), Душанбе, 1968, стр. 42.

¹⁰ СII, XXIII.

¹¹ СII, XXVII.

¹² СII, XXXV.

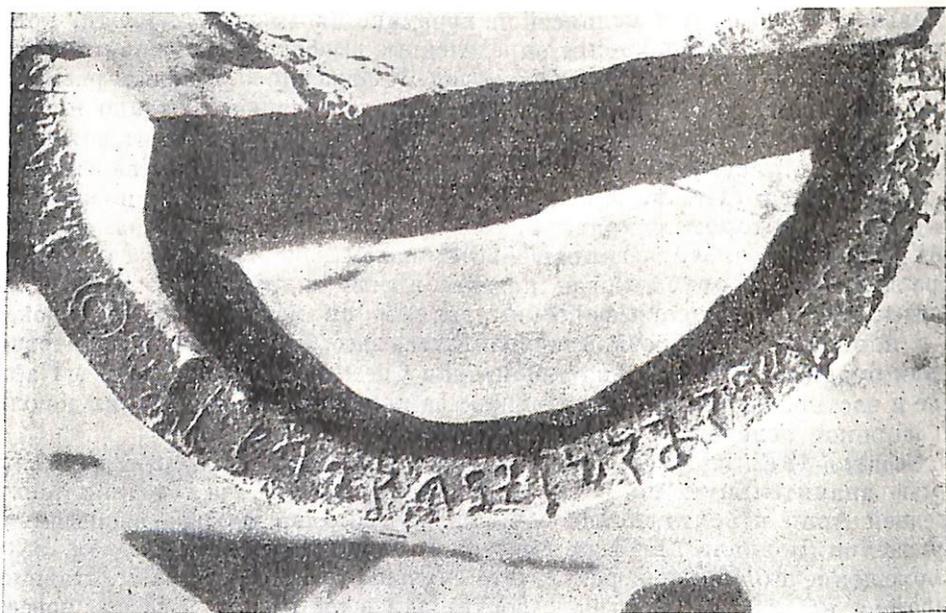

Рис. 1. Надпись на венчике большого сосуда для воды из погребя в 13 км к северу от Термеза

5. Надписи из Беграма, вырезанные на каменных «пилонах»¹³. Датируются II в. н. э.

Сопоставление написания отдельных знаков показывает, что по палеографии термезская надпись более всего сходна с надписью на бронзовом сосуде из Вардака, а также с надписью на фризе из Дхармараджика и надписями на камне из Беграма. Это дает возможность датировать надпись второй половиной II — началом III в. н. э., но не позднее, ибо для середины III в. н. э. документы из Нийи и Крорайны дают другой вид письма, близкий к курсивному. Большой размер, и очевидно, вес сосуда, изготовленного из местного материала — мергелистого известняка, позволяют предположить, что и сосуд, и надпись на нем были сделаны в самом Старом Термезе. Вотивный характер надписи и повторение зарегистрированных на других сосудах и памятниках дарственных формул свидетельствуют о том, что и сам мастер, изготовлявший сосуд, и заказчик были буддистами. Резчик надписи обладал хорошим, четким, установившимся почерком и высокой грамотностью — с точки зрения орфографии надпись выполнена безукоризненно. Содержание надписи свидетельствует, что сосуд должен был использоваться как храмовый, очевидно для хранения воды, ибо он назван *suçi kuða*, скр. *śuci kuṭa*, т. е. «чистый сосуд для воды», «священный сосуд». Все эти наблюдения еще раз подтверждают, что в первой половине III в. н. э. Старый Термез, расположенный в Правобережной Бактрии, входил в зону действия индийской писцовой традиции, единой школы писцов, и находки индийских надписей на его территории — отнюдь не случайное явление.

Язык надписи — северо-западный пракрит, или, как его иногда называют, *гандхари*. Родина северо-западного пракрита, по всей вероятности, район Пешавара. От всех прочих пракритов он отличается особой степенью

¹³ G. Fussman, *Inscriptions Kharoṣṭhī du Musée de Caboul*, «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», LVII, P., 1970, стр. 51—55.

разложения и изменения древнеиндийской системы флексий. Самые ранние памятники на северо-западном пракрите относятся ко времени Ашоки, самые поздние — документы из Нийи и Крорайны, датирующиеся серединой III в. н. э. Очевидно, северо-западный пракрит употреблялся как административный язык на территории, входившей в состав владений Великих Кушан, в том числе в Шан-Шане и некоторых других областях Центральной Азии. Пользовались им и буддийские общины Махасангхиков и Сарвастивадинов, названия которых засвидетельствованы во многих надписях на территории Северо-Западной Индии, Афганистана и Средней Азии. Термезские находки перенесли границу распространения северо-западного пракрита далеко на запад — еще совсем недавно, до начала 60-х годов, эта граница проходила через Вардак (близ Кабула). Неоднократно было отмечено, что язык всех надписей, а также литературных текстов, написанных на северо-западном пракрите, довольно единообразен, не несет следов диалектного различия, хотя должен был использоваться посетителями разных языков, особенно на территориях Средней и Центральной Азии¹⁴. Не наблюдается в нем также и следов какого-либо развития, хотя в распоряжении исследователей имеются памятники, создававшиеся на протяжении шести веков. Единственным заметным различием является степень санскритизации надписей и текстов, которая, очевидно, зависела от познаний в санскрите их авторов. Так, С. Конов отмечал, что в надписях из Пешавара много санскритизмов, а надписи письмом *кхароштли* из Тор-Дхераи написаны почти на чистом санскрите¹⁵. Есть и еще одно отличие, которое до сих пор оставалось необъясненным исследователями, — это употребление долгих гласных. В надписях с территории Индии и Афганистана особых знаков для обозначения долгих гласных нет. Принято считать, что долготы не обозначаются и в рукописях «Дхаммапады» на бересте с территории Восточного Туркестана, датирующихся I—II вв. н. э.¹⁶ Однако при внимательном изучении особенностей почерка этих рукописей можно заметить, что переписчик иногда в знакомых для него санскритизмах обозначал долгое ā, удлиняя левый нижний вертикальный штрих знака и завершая его загибом или незначительным наклонным штрихом — маленькой черточкой, которая в ряде других надписей отделилась от вертикального штриха и стала употребляться как самостоятельный знак удлинения гласного. «Дхаммапада» дает, например, такие написания: $\int \text{ṣṣ} \int$ aṇādaṇa, скр. anādānaṃ, ср. написание первого и послед-

него pa¹⁷; ḍḍḍḍ dalaithā, скр. dālayitvā¹⁸; ṣṣṣṣ ṣavakā, скр. sāvakā¹⁹;

ḷḷḷḷ labhā, скр. lābhā²⁰. Другой памятник, в котором обозначается долгое ā, — надписи на керамике из Кара-тепе. Это было отмечено Я. Харматтой²¹, и он даже сделал вывод о том, что обозначение долготы на пись-

¹⁴ T. Burrow, The Language of the Kharoṣṭhī documents from Chinese Turkestan, Camb., 1937, стр. V—VI.

¹⁵ СII, стр. XCV.

¹⁶ С. Ф. Ольденбург, Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами *кхароштли*, СПб., 1897; см. также J. Brough, The Gāndhārī Dharmapada, L., 1962, стр. 55.

¹⁷ Brough, The Gāndhārī Dharmapada, ст. 29, стк. 29.

¹⁸ Там же, ст. 85, стк. 137.

¹⁹ Там же, ст. 102, стк. 152.

²⁰ Там же, ст. 162, стк. 212.

²¹ «Кара-тепе», II, стр. 33—34.

ме впервые появилось именно в Кара-тепе и отсюда было заимствовано в Центральную Азию. Новая термезская надпись не подтверждает гипотезы Я. Харматы о среднеазиатском происхождении обозначения долготы гласных в северо-западном пракрите: долготы в ней *не фиксируются*. Наиболее развитая система обозначения долготы гласных на письме наблюдается в документах из Нийи и Крорайны, где засвидетельствованы долготы в слогах ā, kā, jā, tī, thā, rū, sū, hā, hī, vūā, śgā²². Эти документы дают также большое разнообразие письменных вариантов ряда знаков, например k и k'; g, ḡ и ḡ; j и j; va и va²³, которые не засвидетельствованы в других надписях и остались не объясненными с точки зрения их фонетической природы. При сопоставлении данных о фиксации долготы гласных в различных памятниках письма *кхароштхи* напрашивается вывод о том, не была ли эта фиксация особенностью рукописного варианта *кхароштхи*, отличающей его от монументального *кхароштхи*, т. е. от *кхароштхи* высеченных, вырезанных, процарапанных и наколотых надписей. Действительно, до сих пор особые знаки для обозначения долготы на письме зарегистрированы только в рукописях: в «Дхаммападе», в документах на дереве и коже из Нийи и Крорайны, в надписях тушью на керамике из Кара-тепе. Очевидно, здесь технически обозначить долготу было легче, чем при вырезании надписи на твердом материале. Во всяком случае ясно, что этот факт нельзя объяснять ни санскритизацией текста (в отмеченных выше санскритизованных надписях из Тор-Дхераи долготы гласных не фиксируется), ни развитием северо-западного пракрита (хотя следует учитывать, что в хронологическом ряду письменных памятников на северо-западном пракрите имеются еще значительные лакуны).

Своеобразная консервативность северо-западного пракрита и его орфографии могут быть объяснимы только его использованием в качестве «языка канцелярии» на сравнительно большой территории, включающей Северную Индию, Афганистан, Среднюю и Центральную Азию, которые благодаря буддизму в первых веках н. э. составляли также и единый культурный ареал. Одновременно на территории Средней Азии, так же как и в самой Индии, в качестве языка надписей был распространен санскрит, зафиксированный в письме *брахми*. В Термезе черепки с надписями письмом *кхароштхи* и *брахми* найдены в одних и тех же слоях, датированных периодом не позднее конца III — начала IV в. н. э. Начиная с IV в. н. э. северо-западный пракрит и *кхароштхи* повсеместно вышли из употребления. Для археологов важно иметь в виду, что находка надписей письмом *кхароштхи* может служить верным критерием для датировки слоев периодом не позднее начала IV в. н. э. В V—VII вв. н. э. в Среднюю Азию из Индии было ввезено большое количество буддийской литературы на санскрите, написанной письмом *брахми*. Однако язык этой литературы содержал ряд фонетических и орфографических особенностей, которые дали возможность ученым говорить об особом «гибридном буддийском санскрите».

Обратимся к тексту термезской надписи. В нашем распоряжении имеется половина венчика от сосуда и, следовательно, половина надписи. Надпись шла по верхнему горизонтальному краю венчика, начиная от значка ⊙, в направлении по часовой стрелке. На венчике сохранилось начало надписи, вся ее вторая часть и конец.

²² Kharoṣṭhī Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan, pt. III, Oxf., 1929, табл. XIV.

²³ Там же.

Транслитерация текста

ayaṃ suyi kuḍa..... ĩadi-salohidaṇa puṇae sarvasatvana hidaye
suhaye pranna[m]yatu

Перевод

«Этот священный сосуд для воды..... для прославления сородичей [и] кровных родственников, ради блага [и] счастья всех живых существ да будет оказано почтение!»

Комментарий

ayaṃ — N.sg от idam, «этот». suyi — скр. suci «чистый, священный». Форма засвидетельствована в «Дхаммападе»: suyi-gaṇa maṇogaṃu²⁴; ṣuda-dhamu suyi-draḥsu²⁵.

kuḍa — скр. kuṭa, N.sg., «кувшин для воды». Слово засвидетельствовано также на одном из черепков из Кара-тепе²⁶, но осталось непрочитанным.

ĩadi-salohidaṇa puṇae — скр. jñāti-sarohitāṇaṃ puṇyāya «для прославления сородичей и кровных родственников». Та же формула представлена в серебряном свитке из Таксилы²⁷:

... mataritu puṇae mitramachañātisa-

⁴ lohī[ta]ṇa [pu] yaē atvaṇo arogadakṣiṇae

⁵«... in honour of mother and father, in honour of friends, ministers, kinsmen, and blood-relations, for the bestowal of health upon himself».

Ср. также надпись на фризе из Дхармараджика²⁸: ... e puṇae at[va]ṇa ṇatimitrasalohidaṇa arogadakṣiṇae Hōdreṇa, «... in honour of ..., for the bestowal of health on his relatives, friends and blood-relations, ... of the Hōdreas».

sarvasatvana hidaye suhaye — скр. sarvasatvāṇaṃ hitāya sukhāya «ради блага [и] счастья всех живых существ». Та же формула представлена в надписи на камне из Паджа²⁹: ... Aṇandaputreṇa Saṃghamitreṇa kue karite matarīṭae puṇae sarvasatvāṇa hidasuhae... «... well was caused to be made by Saṃghamitra, the Anandaputra, in honour of (his) mother and father, for the welfare and happiness of all beings...».

sarvasatvāṇa здесь — Gen. pl., скр. sarvasatvāṇaṃ. В термезской надписи форма с простым п. Эта форма также засвидетельствована в других надписях письмом *кхароштли*, см. надпись на ступе из Куррам³⁰: ... sarvasatvāṇa puṇae..., «... for the honouring of all beings...». hidasuhae — сложное слово (типа *двандва*), первая часть его — hida — стоит в форме основы, вторая — suhae — Dat. sg., скр. sikhāya. В термезской надписи сложного слова нет, оба слова стоят в форме dat.sg., hidaye suhaye.

pranna[m]yatu — praṇamyatu, pass., imperat., 3 sg. от praṇam «да будет почтен!», «да будет оказано почтение!». Форма 3 sg. pass. imperat. для северо-западного праkrita засвидетельствована в грамматическом очерке Т. Барроу³¹, однако не для этого глагола. Надписи дают большое количество примеров пассивного императива от глагола bhū «быть» — bhavatu «да будет!». См., например, надпись на вазе из Вардака³²: ... mada-

²⁴ В r o u g h, The Gāndhārī Dharmapada, ст. 303, 4.

²⁵ Там же, ст. 255, 3.

²⁶ «Кара-тепе», I, рис. 43д.

²⁷ С II, XXVII, стр. 77.

²⁸ Там же, XXXV, стр. 91.

²⁹ Там же, XXIII, стр. 65.

³⁰ Там же, XXX, стр. 155.

³¹ В i r g o w, ук. соч., стр. 98.

³² С II, LXXXVI, стр. 170.

pidara me puyae bhavatu. . . «. . .may it be for the honour of my mother and father. . .».

II. НАДПИСЬ НА ЧЕРЕПКЕ ИЗ ПОДЗЕМНОГО ПОМЕЩЕНИЯ В 13 КМ
К СЕВЕРУ ОТ ТЕРМЕЗА (рис. 2)

По палеографическим данным надпись примыкает к предыдущей, хотя почерк имеет ряд особенностей. Сопоставление с палеографией разобранных выше надписей из Афганистана и Северной Индии позволяет датировать термезскую надпись второй половиной II — первой половиной III в. н. э. Эта датировка согласуется с датировкой сосуда, предложенной Л. И. Альбаумом. По содержанию надпись, как и предыдущая, — дарственная; в ней повторяются отрывки вотивной формулы, засвидетельствованной в других надписях письмом *кхароштли* с территории Средней и Центральной Азии и Северной Индии.

Черепок (размер его 14 × 9 см) разбит на две части. Принадлежит к верхней части обожженного глиняного сосуда, покрытого красным ангобом. Венчик сосуда не сохранился, однако ясно, что надпись была расположена в 5—6 см от него и нанесена до обжига черной тушью по поверхности, на которой для украшения были процарапаны пересекающиеся наклонные линии. Они отрицательно сказались на четкости надписи. Средний размер знаков — 2 × 3 см. Сохранился лишь небольшой от-

Рис. 2. Надпись на черепке из погребя в 13 км к северу от Термеза

рывок первоначального текста. В некоторых местах надпись необратимо повреждена, так как ангобированный слой начал выкрашиваться. Почерк надписи умелый, четкий; преобладают прямые штрихи, сходящиеся под углом, закруглений мало. Это особенно видно в написании знаков *ṣa* и *ṣ* (ср. ниже, в надписи на ступе *ṣa*), на *ṣ* (ср. ниже, в надписи на черепке из Фаяз-тепе на *ṣ*), на *ṣ* ; *diva* *ṣ* написано лигатурой.

Транслитерация текста

...[vaṣaka-divana sa[m]ghe ca[turdiśe]...

Перевод

«... дождливых дней (?)... [дар] общине четырех [сторон света]. . .»
 vaṣaka-divana — скр. varṣaka-divānaṃ (сложное слово типа *татпуруша*),
 «дождливых дней». Форма vaṣa (скр. varṣa) обычна для надписей из Северо-
 Западной Индии и Афганистана³³, vaṣaka в надписях не зарегистриро-
 вана, divana — Gen. pl. от основы diva. Для надписей *кхароштли*, со-
 держащих формулу датировки, обычна другая основа — divasa (скр. di-
 vas). В буддийском санскрите употребляются две основы.

sa[m]ghe ca[turdiśe] — «общине четырех сторон света»; ср., например,
 дарственную формулу на черепках из Тор-Дхераи³⁴. Очевидно, в над-
 писи идет речь о даре общине в период дождей, когда по традиции миряне
 содержали монахов приношениями.

III. ДВЕ НАДПИСИ ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ № 19 НА ФАЯЗ-ТЕПЕ

В 1972 г. две новые надписи письмом *кхароштли* были найдены
 Л. И. Альбаумом при раскопках помещения № 19 на Фаяз-тепе. Обе над-
 писи могут датироваться второй половиной II — первой половиной III в.

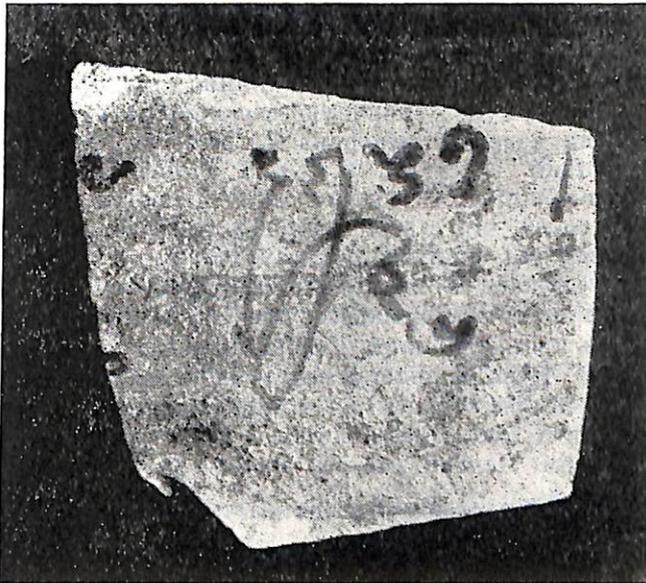

Рис. 3. Надпись на черепке из пом. № 19 на Фаяз-тепе

н. э., так как по палеографии сходны с предыдущими. По содержанию обе
 надписи вотивные, причем одна из них хотя и небольшая, но полная.

Первая надпись была нанесена черной тушью на глиняный сосуд до
 обжига. От сосуда сохранился черепок размером 7×7 см, на котором
 остатки двух строк надписи (см. рис. 3). Писал отличный каллиграф, пы-

³³ СИ, XX, № 1; XXIV, № 2; XXVII, № 1; LX, № 1 и др.

³⁴ Там же, ХСII, стр. 176.

тавшийся сделать надпись одновременно и украшением сосуда, поэтому отдельные знаки написаны с большими росчерками и завитками. В первой строке целиком сохранилось одно слово и два знака от двух других слов по обе стороны от него. Росчерк одного из знаков, очевидно, переходит в знак второй строки, создавая своеобразную двухэтажную лигатуру. Наличие на уровне нижней части этого росчерка остатка еще одного знака может служить свидетельством того, что росчерк не случаен, а представляет собой самостоятельный знак нижней строки. Подобная лигатура, построенная по вертикали, была засвидетельствована на глиняной печати, из Таксилы, которая также содержала две строки надписи: jalavihare Mu-
 drasatasa

Начальный знак второй строки — dra , был написан под первым знаком первой строки — a , составляя его продолжение в качестве длинного витиеватого росчерка³⁵.

Т р а н с л и т е р а ц и я т е к с т а

[1] . . . na asaḡaṡa ma . . .

[2] . . . dra(?) . . .

П е р е в о д

«... [дар ... с разрешения] учителей [общины] Ма...»

К о м м е н т а р и й

asaḡaṡa — Gen. plr., форма, засвидетельствованная в надписях с территорий Центральной Азии и Северной Индии. Очевидно, надпись содержала дарственную формулу, типичную для подобных сосудов; ср., например, надпись на вазе из Вардака³⁶. Полная формула, вероятно, содержала следующий текст: . . . asaḡaṡa maḡasaṡḡhigaṡa paḡḡraḡe. Хотя от названия общины сохранился только один первый знак, другие надписи подтверждают, что в этот период в Кара-тепе и, следовательно, в Фаяз-тепе проживала община Махасангхиков.

Нижняя часть знака -ḡa- переходит, очевидно, в знак -dra- из второй строки. Росчерк от знака -ra- смыкается с росчерком -ḡa-.

Вторая надпись процарапана на нижней поверхности (дне) маленькой глиняной вотивной ступы (см. рис. 4) высотой 10 см, с диаметром оснований 11 см. Ступа была покрыта красным ангобом и обожжена. На нижней поверхности до обжига была процарапана одна строка надписи, которая сохранилась целиком. Почерк умелый, знаки округлой формы (ср. выше, надпись № 2). Несколько необычно написание знака ṡa ξ с отходящим, как у sa, вертикально вниз штрихом, в то время как в центральноазиатских и индийских надписях вертикальный штрих заменяется наклонным и завершается горизонтальной чертой — ξ .

Т р а н с л и т е р а ц и я т е к с т а

saḡhasenaṡa taṡena

П е р е в о д

«По страстному желанию Саḡхасены».

³⁵ СП, XXXVII, табл. XX, 10.

³⁶ СП, LXXXVI, стр. 170.

Рис. 4. Надпись на днище глиняной вотивной ступы из пом. № 19 на Фаяз-тепе

Комментарий

Saghasenaṣa — имя собственное, Gen. sg. В той же фонетической форме это имя засвидетельствовано в документах из Нийи и Крорайны (док. № 100).

taṣena — скр. *trṣṇena*, instr. sg. Слово засвидетельствовано в надписи на ступе из Куррам³⁷ и в «Дхаммападе»³⁸. Полный текст надписи аналогий не имеет.

NEW INSCRIPTIONS IN THE KHAROSHṬHĪ ALPHABET

by M. I. Vorobyeva-Desyatovskaya

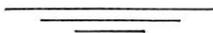
In recent years a large number of Indian inscriptions of the I—VII centuries A. D. have been found in Soviet Central Asia, for the most part in or near Old Termez. The first inscription in the *Kharoshthī* alphabet to be found in Central Asia was discovered in the Danyo-tepe district of Old Termez in the 1930's. By now such inscriptions have been found in three more places: on the territory of the Buddhist Cave Monastery in Kara-tepe, on the Fayaz-tepe monument situated 500 metres south of Kara-tepe and composing with it a single Buddhist complex, and in a cellar 13 kilometres north of Termez. Most of the discoveries were made in 1972 by the archaeologist L. I. Albaum. Before that we had only insignificant fragments of inscriptions on clay pots from Kara-tepe, from which it was impossible to judge either about their contents or about their language. The inscrip-

³⁷ CH, LXXX, стр. 155.

³⁸ B r o u g h, The Gāndhārī Dharmapada, стр. 130, ст. 84.

tions found in 1972 are of considerable size and bear parts of votive formulas which occur also on pots and other objects from Northern India, Afghanistan and Central Asia. This has made it possible to draw some conclusions about the *Kharoshthī* alphabet and the North-West Prakrit, both of which are represented in the inscriptions from Termez. The inscriptions show that Old Termez, in right-bank Bactria, lay in the zone influenced by the single school of scribes forming the Indian scribal tradition. The North-West Prakrit was used as the administrative language in the territory held by the Great Kushans. The limits hitherto assigned to the spread of *Kharoshthī* and the North-West Prakrit have now been pushed far to the west.

The author publishes four inscriptions in the *Kharoshthī* alphabet which were recently found in the Termez region. All four are dated by palaeographic criteria in the second half of the II or first half of the III century A. D.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ГЕРОДОТ ГАЛИКАРНАСЕЦ ИЛИ ГЕРОДОТ ФУРИЕЦ?

(К вопросу об авторской редакции введения
в «Историю» Геродота)

Практически для нас Геродот — первый историк Европы, хотя историческая наука зародилась и проделала уже известный путь развития до того, как он начал писать свой труд. О предшественниках «отца истории» мы можем судить только по отдельным дошедшим до нас цитатам, собранным в известных изданиях Мюллера и Якоби, да еще по тем впечатлениям, которые выносили из чтения их произведений античные ученые (как, например, Дионисий Галикарнасский). Мы не можем представить себе с достаточной ясностью композиционные особенности их произведений, методы работы с источниками, принципы, лежащие в основе формулировки темы. Поэтому творение Геродота приобретает для нас особую ценность: изучая его, мы следим за первыми шагами исторической науки. К числу проблем, привлекавших внимание ученых, относится и проблема подлинности сохранившегося введения в его «Историю»¹. Редакция его позволяет получить представление о том, насколько трудным был этот первый шаг — определение темы, который с такой легкостью делает сейчас в своем школьном изложении учащийся средней школы.

Дошедшее до нас введение во всех без исключения рукописях, лежащих в основе издаваемого текста, имеет одинаковую редакцию: Ἡροδότου Ἀλικαρνησέως ἱστορίας ἀποδείξις ἦδε, ὡς μήτε τὰ γενόμενα ἐξ ἀνθρώπων τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γίνηται, μήτε ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά, τὰ μὲν Ἑλλήσι τὰ δὲ βαρβάροις ἐποδεχθέντα, ἀκλεῖα γίνηται, τὰ τε ἄλλα καὶ ἵν' ἦν αἰτίην ἐπολέμησαν ἀλλήλοισιν¹. «Это есть изложение исследования Геродота галикарнасца (представленное) для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война».

В понимании этого введения есть известные трудности. Слово ἔργα, которое мы перевели здесь как «деяния», некоторые понимали как «сооружения»². М. Поленц решительно отвергает последнее толкование, замечая: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опро-

¹ Переводчик Геродота на русский язык Ф. Мищенко посвятил этому введению специальную статью — «Приступ (Προσίμιον) к „Истории“ Геродота» («Филологическое обозрение», XII, 1897). В этой статье он решительно выступил против исследователей, пытавшихся отвергнуть его подлинность.

² Так переводил этот термин Ф. Мищенко (Геродот, т. I, М., 1888, стр. 1). См. также С. Я. Л у р ь е, Геродот, М.—Л., 1947, стр. 124; автор, впрочем, допускал и толкование «деяния» (стр. 124, прим. 2).